

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ - ТРЕТИЙ ПУТЬ

О нашем подходе

В наше время в России бесспорно происходит глобальное возрождение интереса к сфере политических идей и идеологий. Однако специфика коммунистического эксклюзивизма предшествующих десятилетий сделала современную политическую картину нашего общества чрезвычайно запутанной и противоречивой. Беспристрастный анализ политических идеологий сегодня является насущной необходимостью. Мы надеемся, что рано или поздно термины “правые” и “левые” приобретут у нас их нормальный смысл, свободный от эмоций и демагогических фигур политической пропаганды. В данной же работе мы хотим осветить в самых общих чертах историю особой идеологии, которую нельзя причислить ни к разряду правых, ни к разряду левых. Причем такая особенность — не только следствие относительности самих концепций “правые” и “левые”, но она определяет саму сущность этой идеологии. Наиболее распространенными названиями этой идеологии являются такие определения как “Третий Путь”, “Консервативная Революция”, “Третья Позиция” и т.д. Ниже мы постараемся выделить основные принципы данного направления в политической, социальной и экономической сферах. Поскольку эта тема является чрезвычайно обширной и совершенно неизвестной современной русской публике, то нам придется ограничиться в этой статье самыми общими соображениями. Мы хотим лишь привлечь внимание к данной теме и указать определенные исторические и интеллектуальные ориентиры для ее исследования. С самого начала подчеркнем, что нас принципиально не интересует так называемая “моральная” сторона вопроса, связанного с Консервативной Революцией, так как любая идея может быть дискредитирована в ходе ее реализации, а сама сфера политической жизни по определению не свободна от пропагандистского очернения правящей идеологией тех доктрин, которые ей враждебны, при чем в данном случае чаще всего используются аргументы не интеллектуального, а эмоционального или сентиментального порядка. Сколько бы кровавых преступлений ни совершили “коммунисты”, “капиталисты” или “фашисты”, их идеологические концепции должны быть разобраны объективно, беспристрастно и без всякого “партийного” пафоса, если, конечно, мы хотим понять эти концепции и объяснить их другим, а не “разоблачить” или “опровергнуть” их, что входит в задачи агитаторов или пропагандистов, но не исследователей.

Предыстория Третьей Позиции

Как и все остальные сугубо современные политические идеологии концепция Консервативной Революции стала складываться после Французской Революции, как один из возможных ответов на нее, как особая реакция. Именно Французская Революция была и остается пробным камнем и мерилom идеологической позиции тех или иных политических деятелей вплоть до сегодняшнего дня. Левые — от умеренных, до крайних — либо продолжают, либо радикализируют, доводят до предела те тезисы, которые впервые проявились в исторической и социальной действительности в Европе конца 18-го века вместе с этой Революцией. Правые — тоже от умеренных, до крайних — либо пассивно противятся тенденциям левых, либо настаивают на защите и сохранении тех ценностей, которые Французская Революция стремилась ниспровергнуть любым способом. Предтечи же Третьего Пути сделали из этой Революции свой собственный вывод. В отличие от обычных правых “консервативные революционеры” не отрицали глубинного кризиса в политическом и социальном пути Европы, не утверждали безусловной ценности дореволюционного порядка. Они вопреки правым полагали, что кризис этот не просто продукт внешнего, постороннего воздействия (шедшего от анти-христианских, анти-монархических и анти-европейских сил, собирательно квалифицируемых как “масонство” или “пара-масонство”). Этот аспект Третьего Пути сближает эту идеологию с левыми, также настаивающими на неадекватности, сущностной неудовлетворительности и порочности до-революционной централистски-монархической модели. Кроме того, там где левые (в частности, крайне левые) выступают против конформизма Третьего Сословия, против “буржуазного строя”, против капиталистического централизма, там “консервативные революционеры” еще ближе к ним, еще солидарнее с их нонконформистской критикой в социальной, культурной и экономической сфере. Но схожесть с левыми в оценке кризисного положения дел в до-революционном порядке, не предполагает ни коим образом единодушия в определении положительной ориентации, призванный этот кризис преодолеть. Напротив, если левые стремятся радикализировать тезисы Свободы, Равенства и Братства, перенеся их на самые широкие и самые нижние одновременно социополитические реальности, то “консервативные революционеры” настаивают на прямо противоположном подходе и, напротив, стремятся вернуться к такому порядку, который предшествовал не

только Революции, но и возникновению причин, к ней приведших. В этом смысле, сторонники Третьего Пути являются намного более правыми, чем сами правые. Но все же “консервативных революционеров” нельзя отождествить и с “крайне-правыми”, так как все разрастающаяся бездна между кризисным послереволюционным и кризисным дореволюционным миром с одной стороны и идеальным некризисным, предкризисным миром Традиции с другой стороны, делает совершенно неизбежным не “консерватизм”, не сохранение (даже самое отчаянное) прежнего, но именно Революцию, тотальную, всеобновляющую, радикальную, но ориентированную, однако, в направлении, прямо противоположном Революции левых.

Именно таким был парадоксальный вывод Третьего Пути из уроков европейской истории XVIII-го века. Эти темы начинают проглядывать уже у самих радикальных консерваторов, беспощадных критиков Французской Революции, таких как Жозеф де Мэстр, Луи Бональд и Доносо Кортес. Показательно, что все они, прежде чем прийти к тотальному отрицанию левых идей, прошли через периоды увлечения ими, и это свидетельствует о том, что они прочувствовали глубину социально-политического кризиса изнутри, осознали весь его объем. И не случайно уже эти классики консерватизма призывали к фундаментальному пересмотру правых ценностей в смысле их предельной и почти революционной радикализации.

Более ясно концепция Третьего Пути формируется у русских славянофилов. Сам термин “Революционный Консерватизм” впервые употребил Ю.Самарин в 1875 году. Такое определение охотно использовал и Ф.Достоевский для характеристики своих собственных взглядов. В принципе почти все русские славянофилы, вплоть до Леонтьева и Данилевского, прекрасно вписываются в рамки Третьего Пути, так как все они почти в равной степени противостояли как левым западникам, так и постпетровским правым, за что, кстати, и подвергались гонениям со стороны тогдашней Системы. Для русских “консервативных революционеров” барьером, отделяющим их собственный идеал от кризисного и недостаточного (хотя и правого, консервативного) режима, были Петровские реформы. Но надо все же заметить, что анти-петровские тенденции русских славянофилов интеллектуально смогли оформиться только после Французской Революции, а не раньше. Надо признать, что до этого Третьего Пути в России не было, и реакция против петровских времен в 18-ом веке законченного интеллектуального и идеологического выражения не нашла. Любопытно заметить, что почти всегда тематика Консервативной Революции определенным образом связана с Россией, которая неизменно остается неким

вдохновляющим символом для сторонников Третьего Пути, неким геополитическим и историческим ориентиром. Характерно, что важнейшая книга самого Жозефа де Мэстра называется “Вечера в Санкт-Петербурге”. На чисто теоретическом уровне можно сказать, что концепция “Третьего Пути” почти всегда так или иначе коррелирована с концепцией “Русского Пути”. Все исследователи этой темы без исключения отмечают обязательную руссофилию “консервативных революционеров”, хотя почти никто не дал этому исчерпывающего объяснения. Здесь важно подчеркнуть, что особую роль в этом имеет гео-политическая особенность России и ее историческая судьба, так как наиболее распространенный гео-политический тезис “Третьего Пути” может быть сформулирован как “ни Восток, ни Запад”, что равнозначно отказу как от “просвещенной”, “атлантической”, “секуляристской” тенденции, так и от социальных архаизмов.

Яркие предтечи Третьего Пути были, само собой разумеется, и в Германии, так как сам национальный архетип немецкой души и гео-политическая позиция немцев делают их, подобно русским, наиболее предрасположенными для подобной идеологии. Начиная с Фихте, Гердера, Арндта, Яна, романтиков и кончая гениальным синтезом Ницше — Германия разработала обширную базу Третьего Пути, подготовила и вычленила основные принципы Консервативной Революции. Можно сказать, что немецкий Третий Путь развивался параллельно русскому, и между обоими течениями в XIX-ом веке существовала тесная духовная и интеллектуальная взаимосвязь, не зависящая от конкретики чисто политических и дипломатических условностей. Германский фактор в Консервативной Революции крайне важен и по чисто гео-политическим соображениям, так как немцы по сравнению с остальными европейскими народами имеют больше оснований для разотождествления с сугубо западным, “атлантическим” путем развития, который собственно и привел Европу к Французской Революции и к Революции вообще. В этой перспективе конфликт центрально-континентальной Германии с “атлантическими” Францией и Англией с одной стороны, а с другой стороны, безусловная “невосточность” европейских немцев, делали “почвенный германизм” логическим синонимом Третьего Пути в сугубо европейском, западном гео-политическом пространстве.

От теории к практике

Полноценное развитие Консервативная Революция получила в XX-ом веке, когда идеи Третьего Пути из сферы философско-публицистической стали переходить на уровень социальных движений, политических партий, экономических трансформаций и восстания масс. Здесь интеллектуальная сторона прочно сопрягается с социальными движениями, гражданскими войнами, революциями, и идеологическая и гео-политическая борьба приобретает тотальный характер. Стремительные и подчас очень сложные социальные процессы захватывают целые народы и континенты, и вихрь истории сильно путает идеологическую определенность и относительную стройность, характерную для более спокойного и понятного XIX-го века. Для исследователей идеологий XX-ый век представляет собой крайне непростую загадку, где во мгновение ока правое становится левым, а левое правым, где гео-политические тенденции постоянно меняют свой характер, где противоположности подчас парадоксальным образом совпадают, но только для того, чтобы породить новые и еще более радикальные противоположности. И однако мы не думаем, что идеологический хаос нашего столетия является совершенно недоступным пониманию. Более того, за всеми событиями и трансформациями проступает определенная логика, постичь которую трудно, но все же возможно. Наиболее действенным инструментом для такого понимания, на наш взгляд, является выделение в качестве идеологических архетипов не двух полюсов — правые и левые, но трех — правые, левые и Третий Путь. Причем Третий Путь отнюдь не является простым эклектическим смешением элементов правой и левой идеологий, как это часто представляют современные политологи. Это — совершенно самостоятельное мировоззрение, *Weltanschauung*, которое также глубоко коренится в социальных, экономических, психологических и даже психиатрических глубинах человеческого общества, как и правые и левые идеи. Консервативная Революция, подчеркнем еще раз, не является также и синтезом двух других идеологических тенденций, не является Центром, который всегда относителен и складывается из наложения или равновесного сочетания конкретных правых и конкретных левых сил, действующих в рамках определенного социума. Но это в то же время и не маргинальный нигилизм периферийных меньшинств, заряженных негативизмом и анархизмом. Третий Путь может быть и разрушительным и конструктивным, и парламентским и тоталитарным, и элитарным и массовым, короче точно таким же как и все варианты правой и левой идеи.

Можно сказать, что в нашем столетии Третий Путь и сопряженная с ним концептуальная сторона становится важнейшим социально-политическим фактором, во многом определяющим для политической картины цивилизации. Явные элементы Третьего Пути мы встречаем в русских революциях, где народники, а потом правые эсэры, на практике реализуют его экстремистский вариант. В самом русском большевизме, как это ни парадоксально, легко можно обнаружить многие отнюдь не левые мотивы, также имеющие прямое отношение к “консервативной революции” (в частности, все то, что принято называть русским “национал-большевизмом” от сменовеховцев до сегодняшних нео-сталинистов). Итальянский фашизм в его ранние периоды, а также во время существования Итальянской Социальной Республики на севере Италии (Республика Сало), почти целиком основывался на принципах Консервативной Революции. Но наиболее полным и тотальным воплощением (хотя надо признать, что и не самым ортодоксальным) Третьего Пути был германский национал-социализм. В принципе, само слово сочетание “национал -социализм” имеет явно “консервативно-революционный” характер, так как подобное объединение правой концепции национализма с левой концепцией социализма в понимании идеологов этой партии и было призвано подчеркнуть то, что речь идет именно о Третьем, ни правом и ни левом, Пути. Но вместе с тем Третий Путь проявился и в других глобальных геополитических явлениях, таких как различные формы “исламского социализма” в арабских странах, в Исламской Революции в Иране и в определенных аспектах государства Израиль, где также преобладает органическое сочетание архаических, правых ценностей с революционными левыми методами и социально-экономическими формациями. Строго говоря, Третий Путь нельзя отождествить ни с фашизмом, ни с национал-коммунизмом, ни с национал-социализмом, ни с израильской моделью, ни с исламским социализмом. Все эти политические реальности суть вариации единого идеологического прообраза, единой прото-идеологии, которая стоит за всеми ними и проявляется в той или иной конкретной форме в зависимости от расовой, религиозной, исторической, национальной, географической или культурной специфики. На внешнем уровне различные модели Третьего Пути могут приходить с друг другом в серьезный конфликт и на словах опровергать тезисы своих сиюминутных противников, но этот ничего не меняет в их идеологической близости, в их происхождении из единого архетипического корня.

Ниже мы перечислим некоторые культурные и политические движения, которые полнее всего соответствуют определению

“Консервативная Революция” и которые часто оставались в тени иных, глобальных социальных реальностей, будучи, тем не менее, намного более полноценными и последовательными с концептуальной точки зрения. В начале мы разберем европейские типы Третьего Пути до 1945-го года, потом те, которые сложились после 1945-го, так как эта дата является переломной в судьбе европейской (мы подчеркиваем это) Консервативной Революции, когда период тотального и открытого существования этой идеологии сменился “эпохой катакомб”. Важно при этом заметить, что в Третьем Мире, напротив, парадигма Третьего Пути стала реализовываться на политическом и социальном уровне сразу же после 1945-го. Тогда же произошла и окончательная победа еврейской Консервативной Революции (самым ярким и последовательным теоретиком и практиком которой был Жаботинский).

Фаши Италии

Ранний фашизм развивался здесь в полном согласии с основной логикой Третьего Пути. Либеральному, демократическому, чисто капиталистическому режиму, находящемуся в полусговоре с бессильной и недееспособной монархической властью, а также марксистским и анархистским тенденциям, итальянские фашисты противопоставляли на уровне идеологии ценности Римской Традиции, сильное централизованное государство, национализм, вождизм, героический романтизм, воспевавший любовь к подвигу ради него самого, вкус смерти в бою, строгость иерархии и т.д. — Эти принципы были намного более правыми, нежели скромные тезисы тогдашних крайне правых консерваторов, в большинстве своем бывших монархистами по убеждению, но не имевших при этом ничего против либерализма, капитализма и конституционной демократии. С другой стороны, в экономике фашизм предполагал радикально анти-капиталистический подход, реализовавшийся, в конце концов, в форме знаменитого корпоративизма, установившего коллективную, артельную собственность на средства производства и участие работающих в доходах предприятия. Идеи социальной справедливости и апелляция к низшим слоям населения, которым гарантировалась работа, пособие, защита экономических прав — все это было довольно левым в фашистском идеологическом комплексе.евой была в большинстве своем и культурная тенденция раннего фашизма, связанная с авангардным искусством, футуризмом, модернизмом и т.д. К представителям Третьего Пути в экономике следует отнести и ученика Муссолини — знаменитых экономистов Парето и Моска, разработавших принцип “качественной справедливости”, т.е.

иерархического устройства экономической модели общества, с учетом не количества, но качества выполняемых работ (что одинаково чуждо как рыночной, так и марксистской экономике). В культуре Италии Третий Путь наиболее полно воплотился в творчестве Пиранделло, Папини, Маринетти, д'Аннунцио, Малапарте и т.д..

Итальянский фашизм особо акцентировал этатистский, государственный характер движения, и именно этот аспект менее всего соответствовал собственно консервативно-революционной идее. Дело в том, что централистское государство, и вообще современное государство как таковое, чья история начинается с Французского Королевства Филиппа Прекрасного и через протестантскую Англию доходит до своего заключительного воплощения в якобинской модели, последовательные идеологи Третьего Пути всегда рассматривали как основную причину кризиса подлинно Традиционного Порядка. Поэтому централистское государство — неважно, монархическое или буржуазное — рассматривалось ими как нечто сугубо негативное. Подлинные консервативные революционеры ратовали за сверхнациональную и полицентрическую Империю, сцементированную не ригидной административной бюрократией, но единством духовной Традиции, (в случае западного Средневековья — единством католической христианской эйкумены). Ницше ненавидел саму идею современного государства, а русские славянофилы проклинали Петра, разрушившего духовную аристократическую боярско-народную, соборную Русь и создавшего на ее месте бюрократического, неорганичного, искусственного гиганта по модели европейских централистских держав. Именно этатизм и был причиной отклонения фашистской Италии в ее средний период — от конца 20-ых до Республики Сало — от парадигмы Третьего Пути. Это означало резкое “поправление” режима, бюрократизацию административного устройства, появление элементов тоталитаризма, всегда сопряженного с неорганичным обществом, гонение на авангардизм, альянс с монархизмом и дворянством и т.д. И только после того, как король откровенно предал Муссолини, шок от измены заставил Дуче вернуться к изначальным принципам движения, и с 1943 по 1945 на севере Италии снова на котроткий промежуток времени установился т.н. “левый фашизм”, анти-капиталистический и “социалистический”, отвечающий всем (по меньшей мере экономическим) условиям Третьего Пути.

Фалангисты Испании

В Испании Третий Путь в полной мере был представлен движением фалангистов и особенно его знаменитым вождем Хосе Антонио Прима де Ривера. В соответствии с универсальной логикой Консервативной Революции испанские фалангисты сочетали предельный традиционализм и даже архаизм с теориями экономической и социальной справедливости. С одной стороны, фалангисты брали своим основополагающим символом Стрелы и Ярмо, что в Испанском гербе обозначает Католических Королей — Reyes Catolicos — Изабеллу и Фернандо (по-испански “стрела” — “Flecha” — начинается с “f” и указывает на Фернандо, а слово “ярмо” — “Yugo” — на Изабеллу, так как начинается с “y”), а с другой они обращались к простым людям, обещая им социальную и экономическую реформу в самом “социалистическом” духе. Естественно, что именно фалангисты были среди всех антиреспубликанских сил наиболее близки итальянским фашистам и германским национал-социалистам.

Показательно, что в темной истории с отказом генерала Франко обменять взятого в плен республиканцами Хосе Антонио на других пленных, многие фалангисты усматривали откровенное предательство правыми истинных представителей Консервативной Революции. И действительно режим Франко во многих своих аспектах расходился с фалангистскими концепциями, и само фалангистское движение после гибели Хосе Антонио приобрело чисто декоративный характер. Генерал Франко за всю историю его правления не раз подтверждал свою правую (а отнюдь не консервативно-революционную ориентацию) и в экономике, не идя на “социалистические” реформы, и в культуре, фактически принудив имигрировать консервативно-революционного философа Ортегу-и-Гасета, и в гео-политике, не позволив войскам Оси выйти на Гибралтар, чтобы контролировать ситуацию в Средиземном море. Только по этой причине разгром Третьего Пути в Европе в 1945 году миновал Испанию Франко, справедливо отнесенную союзниками к крайне-правому (но не консервативно-революционному) режиму, не подлежащему по этой причине “денацификации”.

Среди культурных представителей Третьего Пути в Испании можно назвать также Мигеля де Унамуно, Пио Бароха, Рамиро Ледесма, Григорио Мораньона и т.д.

Гвардисты Румынии

Румыния дала Третьему Пути очень много, даже не пропорционально гео-политической значимости этой небольшой страны. Мы имеем в виду знаменитую Железную Гвардию, которую возглавлял быть может самый яркий и почитаемый сторонниками Консервативной Революции легендарный капитан Корнелиу Зея Кодряну. Железная Гвардия Кодряну была ближе всего к чистейшему архетипу Третьего Пути. Сам капитан Кордрану говорил, что он видит в европейском национал-революционном движении три аспекта — итальянский фашизм и его этатизм, государственность, соответствует телу, германский национал-социализм, с его апелляцией к нации, — душе, а румынский гвардизм с его мистическим православием — духу, качественному, высшему уровню всей идеологии. Действительно, в Железной Гвардии как ни в одном другом подобном европейском движении, гармонично сочеталась архаическая народность, искренняя вера в то, что Гвардия Архангела Михаила (другое название Железной Гвардии) является провиденциальным эсхатологическим явлением, почти теофанией, высочайший интеллектуализм Нае Ионеску и Мирчи Элиаде, харизматическое почитание кристально чистого вождя, благородная социальная доктрина, требующая предельной экономической справедливости и т.д. Кроме того, движение Кодряну было подчеркнуто православным, христианским и гвардистский фольклер изобилует религиозными сюжетами и мистико-политическими гимнами.

Румынский гвардизм подобно испанскому фалангизму был также отодвинут на периферию политико-социальной жизни после гибели самого Кодряну. И даже более того, правое, хотя и про-Гитлеровское, правительство Антонеску не только не сделало гвардизм центральной политической и идеологической силой, но и в этот период гвардисты подвергались таким же преследованиям (в том числе и уголовным) как и при левом, демократическом предшествующем режиме. Это еще раз подчеркивает совершенную особость идеологии Третьего Пути и ее глубочайшее отличие не только от всего левого, но и от всего правого.

Русские евразийцы

Законными продолжателями славянофилов XIX-го века были в XX-ом веке русские мыслители евразийской ориентации. Если для их предшественников основными историческими кризисными моментами были петровские реформы и Французская Революция, то для евразийцев главной

темой стала Октябрьская революция в России. Точно так же как и все представители Третьего Пути в самые разные эпохи евразийцы противостояли левым, то есть тем, кто совершили большевицкую революцию и продолжали это дело в советской России (все евразийцы были “белыми”), но одновременно, и правым, поскольку в отличие от правых они не считали большевизм чисто внешним фактором, а дореволюционный режим отнюдь не рассматривали как нечто совершенное. Иными словами, причины Октября евразийцы видели в самой дореволюционной России, в ее структуре, в специфике ее социально-политического и религиозного устройства. Самой главной причиной кризиса они считали западничество и сопровождавшие его феномены — абсолютизацию царской власти, возникновение не-аристократического нового дворянства, некоей псевдо-аристократии, формирование интеллигенции как химерического и беспочвенного слоя, секуляризацию государства и утрату тотального Православия и т.д. Предельная деградация петровской России в сторону грубого и неорганичного капитализма в XIX-ом веке и привела, согласно евразийцам, к большевизму, в котором выразился стихийный протест народа. Однако эта тенденция была узурпирована левыми, и поэтому правое неорганичное общество превратилось в левое еще менее органичное и несравнимо более страшное.

Евразийцев называли иногда “славянофильскими футуристами”, поскольку они сочетали традиционализм и даже архаизм со стремлением к удовлетворению народной потребности в социальной справедливости, к не-капиталистическому и даже возможно социалистическому пути развития. Находясь в иммиграции евразийцы были лишены возможности активно участвовать в политической жизни России, и поэтому русский Третий Путь фактически раскололся на национал-большевиков, увидевших в сталинизме определенный поворот к народно-имперской стихии, и на национал-социалистов, солидировавшихся с немцами в надежде осуществить на русских землях после предполагаемого поражения советской России в войне вариант русского национал-социализма. Некоторые евразийцы, такие как Трубецкой и Флоровский, оставили в конце концов политику и гео-политику и углубились в исследование Третьего Пути исключительно в богословской сфере.

Консервативная Революция в Германии

В Германии начала века Третий Путь дал необычайно широкий спектр различных теорий и концепций. Именно там особую популярность получило

само это выражение “Консервативная Революция”, введенное впервые Томасом Манном и ставшее особенно популярным после знаменитой речи Гуго фон Гоффманшталя “Литература, как духовное пространство нации”, в которой он сформулировал принципы Третьего Пути для Германии. В соответствии с логикой этой идеологии немецкие консервативные революционеры ставили своей задачей преодоление “вельгельмизма”, т.е. чисто правого номинально монархического режима с одной стороны, и надвигающейся хаотической демакратии с другой. Сильна была также реакция и против большевицких путчей и баварской республики Курта Айзнера.

Среди германских вариантов этой идеологии можно выделить особо младоконсерваторов, Jungkonservativen. Наиболее известными из них были Артур Мюллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер, Карл Шмитт, Отмар Шпанн, Вильгельм Штаппель и отчасти Вернер Зомбарт. Именно Мюллер ван ден Брук впервые сформулировал концепцию “Третьего Рейха” в книге с точно таким названием. Он имел в виду целый комплекс консервативно-революционных концепций, связанных с основополагающей логикой Третьего Пути как такового, но одновременно применяющих эту логику к конкретной немецкой ситуации. В частности, он настаивал на создании “Третьей партии”, которая положила бы конец национальному политическому разделению немцев, призывал к преодолению династического противопоставления Габсбургов и Гогенцоллернов, настаивал на недостаточности и правой и левой идеи применительно к Германии. Любопытно, что он дает также теологическую интерпретацию концепции “Третьего Рейха”, связывая ее с учением ранне-христианской секты монтанитов и средневековыми идеями Иахима де Флоры, в которых вся история делится на три части — на эпоху Отца, Сына и Святого Духа. “Третий Райх” , т.е. “Третье Царство” по мысли Мюллера ван ден Брука должно стать Царством Святого Духа. Здесь интересно было бы указать на связь этой концепцией с православной доктриной старца Филофея о Москве как о Третьем (и последнем) Риме, которая, кстати, была особенно близка Леонтьеву, а позднее русским евразийцам. Вообще говоря, Мюллер ван ден Брук как и большинство ортодоксальных консервативных революционеров был ярким руссофилом и одним из лучших переводчиков книг Ф.Достоевского на немецкий язык. Даже в сталинской России он видел определенные позитивные черты, а европейский Запад внушал ему подлинный ужас. В целом же младоконсерваторы были элитарными интеллектуалами и прямого воздействия на политическую ситуацию не оказывали. Надо подчеркнуть, что как и многие другие представители

ортодоксального Третьего Пути они были одновременно и предтечами и жертвами национал-социализма, который далеко не во всем принял и реализовал их идеи. И однако прямой приемственности здесь отрицать невозможно, хотя и их прямое отождествление неприемлемо. Более радикальными и революционными были так называемые национал-революционеры — Эрнст Юнгер, Франц Шаубеккер, фон Заломон и т.д. Заметим по ходу дела, что у Эрнста Юнгера в его знаменитой книге “Der Arbeiter” (“Труженик”) проведена классическая для Третьей Позиции грань между “Пролетарием” и “Тружеником”. Коммунистический традиционно марксистский “Пролетарий” — это низший количественный элемент системы капиталистического производства, чудовище, порожденное ядовитым, анти-экологическим городом, лишённое нации, традиции, религии, укорененности, расовой принадлежности. Именно такое “количественное” чудовище и предельную форму вырожденца и хотели бы поставить (и ставили где могли) у власти ортодоксальные коммунисты. Юнгер этой символической фигуре противопоставлял национал-революционного “Труженика”, “качественного” созидателя ценностей, сознающего свою национальную и расовую принадлежность, укорененного в традиции, неразрывно связанного с религией и культом. Этот “Труженик” также подвергается эксплуатации в капиталистическом обществе как и “Пролетарий”, но разница между ними состоит в том, что “Пролетарий” порожден капитализмом и вне капитализма он просто не имеет смысла, тогда как “Труженик” лишь поработен капитализмом, и освободившись от него, он как носитель качества, почвенности и традиции легко воссоздаст органичный, созидательный и справедливый строй. Показательно, что национал-социализм не очень благоволивший к самому Юнгеру, полностью воспринял и реализовал на практике его теорию анти-пролетарских “Тружеников”, причем с полным успехом на социально-экономическом уровне.

Особым течением этого же направления были различные вариации “фелькиш”, которых можно назвать “немецкими народниками”. Они могли быть как подчеркнуто аристократическими (Макс Либерманн фон Зонненберг), так и анархически простонародными. Среди “фелькиш” широкое распространение получили темы “мистического расизма”, особенно четко проявившиеся среди ариософского движения австрийских немцев Гвидо фон Листа и Йорга Ланца фон Либенфельса. В отличие от предыдущих групп, движение “фелькиш” было свободно от культурных предрассудков, свойственных городской образованной немецкой интеллигенции, и отражало наиболее архаические пласты немецкой души с

одной стороны, и наиболее экстравагантные и радикальные поиски древней германской традиции, вплоть до попыток реставрации древних языческих ритуалов, с другой стороны. Несмотря на то, что Гитлер достаточно критически относился и к самому термину “фелькиш” и к совокупности идей, называемых этим словом, тенденции “фелькиш” во многом определили атмосферу в Третьем Рейхе, не только психологически (воспевание всего германского, прославление крестьянства, знаменитая доктрина Вальтера Дарре “Кровь и Почва” и т.д.), но и интеллектуально (что особенно проявилось в мистических исследованиях, которыми занимались многие национал-социалистические институты и в расистских доктринах). Именно к “фелькиш” восходит свойственный Германии Гитлера вкус и любовь к архаизму.

Отдельно стоят так называемые “бюндиш”, различные молодежные союзы консервативно-революционного направления. Среди них более всего известны “Вандерфогель”, “Перелетные Птицы”, молодежное анархическое, в тоже время почвенное и националистическое движение, возникшее в самом начале века. Это быть может первый пример экологической тенденции, так как юноши и девушки из “Вандерфогель” стремились уйти на природу, к простой, деревенской, народной и национальной жизни, прочь от противоестественных, космополитических отравленных городов, с их фальшью, смешением, капитализмом, ростовщичеством и т.д. Остатки “Вандерфогель” уже при Гитлере были реформированы в “Гитлерюгенд” с определенным смещением акцентов и с резким сокращением анархических элементов. На тех, кто не захотел реформироваться было оказано определенное давление. В конце концов национал-социалисты совсем запретили “Вандерфогель”.

И наконец, последней версией Третьего Пути в Германии было немецкое национал-большевистское движение, связанное с именами Генриха Лауфенберга и Эрнста Никиша. Это было своеобразное сочетание крайнего анти-капитализма с крайним национализмом, что дало удивительно интересный синтез, так как немецкие национал-большевики сумели сочетать огромную социальную энергию “классовой борьбы” с не менее могущественными национальными и даже расовыми тенденциями. Можно сказать, что национал-большевизм — это предельный случай Консервативной Революции, радикализирующий заложенные в ней потенции. Интереснее всего в этом движении тотальный нон-конформизм, бескомпромиссная борьба против того, что позднее Новые Левые и Новые Правые единодушно определяют как Систему. С национал-большевиками было солидарно и левое крыло национал-социалистической партии во главе с

“левыми нацистами” братьями Штрассерами. В 1920-ом году в период русско-польской войны немецкие национал-большевики даже лелеяли мечту вместе с армией Буденного вторгнуться на капиталистический Запад и покончить с “национальными и социальными эксплуататорами народов”. Естественно, что немецкие национал-большевики также были безусловными руссофилами. При Гитлере Эрнст Никиш и другие представители этого течения встают в радикальную оппозицию режиму. После войны Никиш преподает в Восточном Берлине, но все же недостаточно национальный социализм его никак не устраивает, и он в конце жизни имигрирует в ФРГ. Интернационалистские и анти-фашистские тенденции в духе Тельманна не совместимы с национал-большевистской версией Третьего Пути. К деятелям Консервативной Революции в Германии можно с полным основанием причислить и поэтов Готтфрида Бенна и Стефана Георге, и гениального немецкого философа Мартина Хайдеггера, сформулировавшего онтологические и метафизические принципы “Немецкого Пути”, который был синонимом “Третьего Пути”, и Мартина Клагеса, и психоаналитика Карла Густава Юнга, и знаменитых ученых Германа Вирта, Вильгельма Тойдта, Фридриха Хильшера и многих других менее значительных персонажей. И строго говоря тех из них, кто активно сотрудничал позднее с национал-социалистами никак нельзя обвинить в конформизме, так как идеология Третьего Пути была их глубинным внутренним убеждением, основой их мировоззрения, и скорее национал-социализм конформировался с Консервативной Революцией, нежели наоборот, поскольку сам национал-социализм был лишь одной из версий этой Революции, а никак не вещь-в-себе.

В национал-социализме Гитлера было много отступлений от консервативно-революционной отродоксии, отступлений социальных, экономических и гео-политических. В первую очередь на социальном плане принцип “Один Народ, Одно Государство, Один Вождь” (“Ein Volk, ein Reich, ein Führer”) явно является старо-консервативной, правой и даже “якобинской” (как сказал Ален де Бенуа) формулой, противоречащей имперской и многополюсной концепции Третьего Пути, понимающей единство не бюрократически и административно, и тем более не моно-национально, но духовно и поли-этнически. На экономическом уровне Гитлер сохранил все же крупный капитал, хотя и ограничил его возможности и исключил влияние капитала международного. Независимо от безупречной эффективности национал-социалистических мер в экономике, это, тем не менее, шло в разрез с радикальными требованиями Консервативной Революции. И, наконец, гео-политически анти-русский настрой Гитлера

(хотя и не такой однозначный, как это иногда пытаются представить) и его англофилия противоречили евразийской и обязательной руссофильской тенденции классических консервативных революционеров. Но как бы то ни было, национал-социализм безусловно воспринял и реализовал импульс именно консервативно-революционной идеологии, хотя во многом искадил его вправо, и не без влияния старых, реакционных консерваторов, вообще не принявших национал-социализма и лишь прагматических солидаризовавшихся с ним лишь постольку, поскольку речь шла о государственных интересах Германии. Но все же поражение Германии во Второй Мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего Пути, так как победители и левые и правые на нюансы внимания не обращали.

Остается добавить по этому поводу, что в рамках национал-социалистического режима существовал некоторый интеллектуальный оазис, в котором концепции Консервативной Революции продолжали развиваться и исследоваться без каких-либо искажений, неизбежных в других более массовых проявлениях режима. Мы имеем в виду организацию Ваффен-СС в ее интеллектуально-научном, а не военно-политическом аспекте. Ваффен-СС и особенно научный сектор этой организации “Аненербе”, “Наследие Предков”, разрабатывали ортодоксальные консервативно-революционные проекты. В частности, вместо узконационального германизма внешней пропаганды, СС стояло за единую Европу, разделенную на этнические регионы с нео-феодальными центрами, и при этом этническим немцам никакой особой роли не отводилось. Сама эта организация была международной, и в нее входили даже представители “небелых” народов — азиатские и ближневосточные мусульмане, тибетцы, турки, арабы и т.д. Геополитические проекты СС ориентировались не столько на экономические, сколько на сакрально-географические реальности, и страны традиционного Востока представляли собой здесь наибольший интерес (вспомним о многочисленных экспедициях СС-овцев в Гималаи, Тибет, Индию и т.д.). СС воспроизводило определенные стороны средневекового духовного рыцарского Ордена с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, дисциплины, медитативной практики. Естественно, такой подход в экономической сфере предполагал категорическое отрицание всех сугубо капиталистических основ социального устройства — гедонизм, плутократию, финансовый либерализм, свободный рынок, процентную систему и т.д. Любопытно, что для членов СС (по меньшей мере для СС-овских интеллектуалов) была совершенно несвойственна общая для национал-социалистов юдофобия, и такой националистический еврейский

консервативно-революционный автор как Мартин Бубер был близким другом одного из руководителей и вдохновителей “Аненербе” Фридриха Хильшера, причем это было отнюдь не исключением, но, скорее, правилом. Пример СС лишний раз доказывает, что в рамках немецкого национал-социализма существовали тенденции, которые до некоторой степени уравнивали отклонение от парадигмы Консервативной Революции этого движения в целом.

Новый идеологический мир после Ялты

Поражение стран Оси в Мировой войне было не только поражением тех или иных государств, тех или иных народов. Удар был нанесен в первую очередь по идеологии, по определенной системе ценностей и интеллектуальных принципов, которые были осуждены победителями как “преступные”. Мир после Ялты стал совершенно особым, совершенно непохожим на то, чем он являлся прежде. Причем, если итог Первой Мировой войны был лишь отчасти сопряжен с сугубо идеологическими трансформациями (хотя Муссолини и говорил, что “итог этой войны в поражении самой идеи демократии”), то Вторая Мировая война прямо привела к слиянию идеологического элемента с элементом политическим так, что никакого (или почти никакого) зазора между ними не оставалось. Фактически после-Ялтинская идеологическая картина имела только два полюса — правый и левый, а все даже отдаленно напоминающее Третий Путь или Косервативную Революцию было выжжено каленым железом под предлогом тотальной и универсальной “денацификации”, проводимой на планетарном уровне. Нюрнбергский процесс — это первое и уникальное судилище в истории, когда юридически были осуждены не только люди, но и идеи, интеллектуальные доктрины, “энтелехии” Аристотеля. И каким бы значительным ни было отличие конкретного национал-социалистического режима Гитлера и фашистского режима в Италии от архетипической парадигмы Третьего Пути, это вообще во внимание не принималось и все, что относилось к Третьему Пути прямо или косвенно, было поставлено “вне закона” (даже в том случае, если дело касалось чисто культурной или духовной солидарности с консервативно-революционной идеологией, как это было в случае жестоких уголовных репрессий по отношению к американскому поэту Эзре Паунду или норвежскому писателю Кнуту Гамсуну).

При этом тут же в гео-политической реальности планеты появилось воплощение нового идеологического распределения сил — феномен

сверхдержав. США из обычной капиталистической страны, одной из многих и не самой к тому же развитой экономически, превратились в глобальный оплот всего того, что совершенно справедливо в современном мире можно назвать правым. При этом американская сверхдержава была идеологически предельно устойчивой, так как эта сугубо экономическая, торгово-банковская, монополистическая и космополитическая модель не имела внутри себя причин для идеологической нестабильности, которые в европейских режимах существовали в виде инерциальной сословной, этнической, государственной, языковой, религиозной и традиционной дифференциации. В США эта устойчивая правая система сложилась уже задолго до Второй Мировой войны, но лишь постановка Третьего Пути вне закона, сделала США действительно не только военной, но и идеологической сверхдержавой, воплотившей в себе наиболее чистую альтернативу Консервативной революции, причем гораздо в большей степени, нежели альтернативу левому идеологическому колоссу СССР.

СССР стал в после-Ялтинском мире левой сверхдержавой, воплощением чисто левой, марксистской и интернационалистской идеологии, также совершенно непримиримой по отношению к Консервативной Революции как и США. Можно сказать, что вообще вся послевоенная геополитическая реальность строилась на отрицании самой возможности Третьего Пути как политической или гео-политической тенденции. Идеологической жертвой такой двух-полюсной системы стала в первую очередь Европа — как восточная, так и западная — поскольку она потеряла свою собственную политическую волю под воздействием силовых “излучений” сверхдержав и вынуждена была солидаризоваться либо с правыми (гео-политически это означало США, “атлантизм”, духовный и культурный Запад), либо с левыми (гео-политически это означало СССР и коммунистический Восток). Какой-либо иной путь для стран Европы был исключен. В полном соответствии с основными принципами Третьего Пути, после поражения этой идеологии, тезис “ни Восток, ни Запад” был более неосуществим, и Европа вынуждена была стать либо чистым Западом, либо западной оконечностью коммунистической Азии.

Единственным государством, которое смогло отчасти реализовать на практике определенные аспекты Консервативной Революции было государство Израиль, которое, учитывая значительное число жертв среди евреев в период правления в Европе консервативных революционеров, никто не осмеливался заподозрить или обвинить в “фашизме” или “нацизме”, несмотря на поразительную схожесть в идеологии. Израиль как государство был основан на принципах полного восстановления архаической традиции,

иудейской религии, на этнической и расовой дифференсации, на активном использовании социалистических элементов в экономике, — в частности, система киббуцов, — на возрождении каст и т.д. Неудивительно, что многие идеологи национал-социализма, — в частности, вдохновитель бретонского нацизма, замечательный писталь и историк, Ольер Мордрель, — которым удалось пережить “денацификацию” с восторгом приняли известие об образовании Израиля, так как этнические и религиозные расхождения — это вещь более или менее относительная, в то время как сам принцип Третьего Пути, к какому бы народу он ни относился является единым и неизменным на идеологическом уровне. (Интереса ради заметим, что Ольера Мордреля однажды спасла от суда и обвинения в преследовании евреев в период Второй Мировой войны как раз благодарственная телеграмма от израильского правительства, посланная в ответ на его поздравления с восстановлением еврейского консервативно-революционного государства).

Позже Третий Мир, как периферия гео-политического противостояния двух сверхдержав, — СССР и США, — стал зоной возобновления попыток Третьего Пути, но только в те моменты и в тех регионах, где контроль того или иного гео-политического полюса ослабевал настолько, что сверхдержавам приходилось идти на уступки почвенным тенденциям. Но до Иранской Исламской Революции ни одному народу или государству не удавалось прорвать гео-политический диктат двухполюсной идеологической системы. Так варианты исламского социализма в Ираке, Сирии и Ливии — это формы Третьего Пути с сильным сдвигом к коммунизму, некие гибриды между Консервативной Революцией и чисто левой идеологией. В Пиночетовском Чили или в ЮАР, напротив, элементы Третьего Пути были скрещены с правой идеологией. Можно сказать, что эти идеологические конструкции Третьего Мира представляли собой все же скорее крайние случаи биполярной идеологической системы, нежели составляли совокупно самостоятельный и полноценный Третий Полюс, Третью Позицию.

Третий Путь восстает из пепла

Но несмотря на тотальность поражения Третьего Пути в Европе нельзя сказать, что он вообще исчез окончательно и бесповоротно. Дело в том, что идеология не является неким произволом тех или иных политиков, мыслителей или государственных деятелей. Она коренится в глубинных архетипах человеческого существа как форма проявления тех или иных существенных онтологических тенденций, которые намного более фундаментальны, нежели частные рациональные конструкции или

социально-политические условности. Идеология, *Weltanschauung*, это некоторое интеллектуальное резюме всего человеческого бытия, его внутренний недвижимый двигатель, источник и изначальный мотив действий и поступков. Только проявляться она может самым различным образом. Но как бы то ни было, после Французской Революции идеологический спектр однозначно воплотился в трех основополагающих полюсах — правые, левые и Третий Путь, и хотя сами эти термины появились только после этой Революции, аналогичные им идеологические комплексы существовали и ранее, хотя в иной форме и под иными именами. Поэтому Третий Путь, поверженный и “запрещенный” в после-Ялтинском мире, не мог просто сойти со сцены, но искал для себя особые, подчас не прямые формы выражения.

Среди крупных официальных послевоенных политиков ближе всего к Третьему Пути подошел генерал Де Голль, осторожно, но упорно проводивший линию единой свободной Европы от Атлантики до Урала, которая неявно противопоставлялась США, т.е. собственно Западу. Конечно, эти почвенные и отчасти консервативно-революционные тенденции Де Голль выражал крайне острожно, однако, со временем, все больше открываются тайные нити, связывавшие его с идеологами Третьего Пути, и в частности, даже с таким интегральным традиционалистом как ученик Рене Генона Мишель Вальсан. В целом же Де Голь постоянно настаивал на сохранении самобытности Франции как на культурном, так и на экономическом плане, и уже одно это сделало его чуть ли не врагом правой сверхдержавы — США, заподозрившей в осторожных и лояльных к НАТО, но все же несколько “консервативно-революционных” политических акциях генерала Де Голя возможную угрозу возрождения Третьей Позиции. Как бы то ни было, современные голисты во Франции в своем подавляющем большинстве являются убежденными сторонниками Третьего Пути. Существует даже полудостоверная информация, о том, что де Голь основал в свое время тайную организацию,—”45 секретных компаньонов”, — чьей гео-политической задачей среди всего прочего было восстановление свободной и независимой Европы, противостоящей как “советизму”, так и “американизму”, т.е. Европы классического Третьего Пути.

Подобные тенденции проявлялись и у других европейских политиков, в первую очередь, естественно, континентальных, так как Англия уже давно и прочно стоит на чисто правых и атлантически-западных позициях, выступая в после-Ялтинском мире в роли главного европейского “агента влияния” США. Однако двухполюсная политическая и гео-политическая система заставляла подобные тенденции оставаться скрытыми, подспудными,

неявными, так как в противном случае это неизбежно привело бы к жестокой силовой конфронтации.

Но были и радикальные сторонники Третьего Пути, открыто проповедывавшие и защищавшие “криминальные” с некоторых пор идеи. Возможно самым ярким послевоенным консервативным революционером или национал-революционером был бельгиец Жан Тириар, бывший активист национал-большевистского движения Генриха Лауфенберга. Тириар быстро оправился после “денацификации” и первым попытался возродить идеологическую и политическую борьбу Третьей Позииции. Уже в 1960-ом году — до этого на всей планете и справа, и слева царил открытый анти-консервативно-революционный террор и даже слово в защиту Третьей Позииции нельзя было вымолвить — Тириар создает всеевропейскую организацию “Jeune Europe”, “Юная Европа”. Он публикует книгу “Да здравствует Европа!”, где формулирует основные постулаты третьего Пути применительно к новой гео-политической и политической ситуации после Второй Мировой войны. Именно Тириар первым сделал Кельтский Крест новым символом Третьей Позииции, и эту эмблему приняли все европейские национал-революционеры независимо от страны. Тириар разработал теорию новой европейской Империи, — он так и называл Европу “Империя с населением в 400 000 000 человек”, — радикально противостоящей “советизму” и “американизму”. При организации “Юная Европа” стали создаваться анти-американские боевые ячейки, ставящие своей целью противостоять американскому военному и даже культурному присутствию на континенте. Жан Тириар не был отвлеченным теоретиком. Он встречался в 1963 году с Джоу Эн Лаем, позже с руководителями Румынии, Югославии, потом Ирака, а в 1968 году с Насером. Показательно, что первый европеец, сражавшийся на стороне палестинцев против Израиля и павший с оружием в руках был член “Юной Европы” — Роже Кудруа. Так послевоенный Третий Путь постепенно и в Европе отходил от жесточайшего поражения и заявлял о себе уже на политическом (и даже военном) уровне.

Крайне важно в идеологии Тириара, что он, тщательно проанализировав послевоенную гео-политическую ситуацию, а также сделав важные выводы из судьбы европейского (и особенно немецкого и фламандского) национал-большевизма, однозначно объявил главным и принципиальным врагом Третьего Пути именно Запад и “американизм”, тогда как в коммунистической системе он отметил явные признаки эволюции в сторону Третьей Позииции. Иными словами, вместе с Тириаром европейские консервативные революционеры вернулись к изначальной анти-западной ориентации, которая была значительно затушевана в исторических

компромиссах, сделанных фашистским и нацистским режимами в пользу правых. Это на практике означает, что именно “американизм” является в актуальных условиях полной анти-тезой Консервативной Революции, а коммунизм, уже потерявший свой изначальный нигилистический и агрессивный характер и впитавший в себя много национальных и почвенных черт, куда как меньшее зло, если вообще не потенциальный союзник. Хотя такая позиция была очень близка к изначальной позиции консервативных революционеров, всегда тяготевших скорее к Востоку, нежели к Западу, для послевоенной, после-Гитлеровской Третьей Позиции это было настоящим открытием, новым словом, гео-политическим откровением. Кроме всего прочего, это окончательно разводило неконформистский Третий Путь и официальных парламентских правых, которые были совершенно бессильны несмотря на все компромиссы добиться каких-либо успехов в сугубо национальном и почвенном смысле. Фактически национал-революционеры Тириара отмеживались и от крайне правых, критикуя архаичность и инерциальность (даже “вицеральность”, “вегетативность”) их политических взглядов. Экономически Тириар противопоставлял “экономике прибыли” (капитализму) и “экономике утопии” (марксизму) “экономике потенциалов” (т.е. естественное развитие региональных экономических возможностей). В политике он провозглашал “федеральный национализм”, то есть духовное и гео-политическое объединение независимых дифференцированных этнических систем, полицентрическую Империю независимых этносов. Тириар разработал концепцию “авторкии больших пространств”, согласно которой лишь крупные гео-политические образования способны быть в современных условиях не только экономически, но и идеологически независимыми. Своими предшественниками Тириар считал Готтлиба Фихте и Фридриха Ницше, а о самом себе он говорил так: “Я — европейский национал-большевик в традиции Эрнста Никиша и вдохновляющийся историческим примером Иосифа Сталина и Фридриха II Гогенштауфена”. В целом же доктрина Жана Тириара получила название “национал-коммунитаризм”.

В Италии последователи Тириара — наиболее известные из них Джорджо Фредда и профессор Клаудио Мутти — придали его гео-политической и экономической доктрине духовный и традиционалистский характер, основываясь на трудах знаменитого традиционалиста Юлиуса Эвола и вдохновляясь “мистическим гвардизмом” православного капитана Кодряну. Как бы то ни было, анти-капитализм и анти-Запад стали главными мотивами Третьего Пути в после-Ялтинской Европе. Этому в принципе соответствовала и действительная трансформация, происшедшая с многими

коммунистическими режимами, которые в определенных своих аспектах стали если не благожелательными, то по меньшей мере гео-политически нейтральными по отношению к консервативно -революционным тенденциям. Неслучайно Исламская Революция в Иране назвала США “Большим Шайтаном”, а СССР всего лишь “Малым Шайтаном”.

Вторым важнейшим этапом возрождения идеологии Третьего Пути было становление движения так называемых “новых правых” (хотя надо заметить, что этим именем их изначально наградили их идеологические противники). Фактически они продолжали традиции Тириара и “Юной Европы”, хотя акцент здесь сильно сместился в сторону культуры, науки, историографии, эстетики, социологии и т.д. В принципе одной из главных задач “новых правых” было создание альтернативной культуры, что предполагало не просто идеологизацию творчества, но, скорее, пересмотр определенных культурных догм, которые в после-Ялтинском мире испытывали на себе сильнейшее давление победивших идеологий — как правой, так и левой. “Новые правые”, во главе с общепризнанным всеевропейским лидером и знаменитым публицистом и философом Аленом де Бенуа, изначально решили проделать тотальную ревизию культурных, экономических, политических и социологических ценностей, которые были характерны для “старых правых”. Становление мировоззрения “новых правых”, этой весьма распространенной сегодня в Европе, и шире во всем мире идеологической позиции, проходило в обстановки двойной полемики — с одной стороны шло оспаривание концепций и доктрин “новых левых”, а позднее “новых философов”, с другой стороны, развернулись дискуссии с правыми и даже с крайне правыми. Как всегда в Третьем Пути были решительно отвергнуты “якобинская” централистская модель государства-нации, Etat-Nation, материалистические и плутократические тенденции, свойственные Западу, “атлантизм”, “американизм” и т.д., но одновременно, отвергались и левые тезисы об эгалитаризме, интернационализме, гуманизме, макрризме и т.д. Именно “новые правые” привлекли внимание и к самим традиционным классическим консервативно-революционным авторам, введя в культурный контекст Европы, и особенно Франции, такие почти забытые или отторгнутые имена как Карл Шмидт, Карл Хаусхоффер, Арно Брекер, Марк Эманс, Эрнст Юнгер, фон Заламон, Отмар Шпанн, Артур Мюллер ван ден Брук и т.д. Но не только имена, но и целые дисциплины были реабилитированы “новыми правыми” — так гео-политика, квалифицировавшаяся ранее как “нацистская наука”, вошла сегодня во французские университеты как один из изучаемых предметов наравне с другими. (Любопытно, что возглавляет гео-политические исследования в

академическом мире Франции коммунист и близкий к Миттерану политолог Ив Лакост). Самое главное, что удалось достичь “новым правым” — это введение Третьего Пути в сферу “официально” признанной позиции на культурном, экономическом, политическом и философском уровне. Фактически Третья Позиция благодаря неустанной, более чем двадцатилетней деятельности “новых правых” снова стала идеологически возможной, достаточно центральной и успешно конкурирующей сегодня в Европе с изрядно потускневшими и “рекупирированными” Системой “новыми левыми”. Показательно, что многие радикальные левые сегодня, как в 20-ые и 30-ые годы, разочаровавшись в ортодоксальном марксизме, коммунизме и советизме, переходят к ряду “новых правых” — как этой имеет место в случае Жана Ко, ближайшего сподвижника Сартра, Рейнхольда Оберлерхера, правой руки Руди Дучке, самого знаменитого из немецких новых левых 1968 года, и отчасти в случае самого Роже Гароди, бывшего центрального идеолога французской компартии.

Любопытно подчеркнуть весьма характерное отношение “новых правых” к проблеме эмиграции, столь важной сегодня для идеологического самоопределения в политике тех или иных деятелей. Если “старые правые” — в частности, “Национальный Фронт” Ле Пена — выступают против эмигрантов, то “новые правые” выступает скорее на стороне эмигрантов, которых они рассматривают как жертв противоестественной монополистической, капиталистической системы, и проблемы эмигрантов “новые правые” считают и своими собственными проблемами. Ален де Бенуа, — являющийся, к стати, автором монументальной книги “Третий Мир, общая борьба”, где он подчеркивает единство между Третьим Миром, отстаивающим свою свободу и независимость, и интересами сторонников Третьего Пути в Европе, — однозначно формулирует свое отношение так: “Они (“старые правые”) борются с эмигрантами, — я борюсь с иммиграцией. Они защищают народ, — я защищаю народы.”

Именно “новые правые” сегодня представляют собой в Европе новую идеологическую завязь Третьей Позиции, уже преодолевшую шок поражения и набирающую силу по мере того, как усугубляется кризис двух других геополитических и идеологических полюсов. При этом важно заметить, что ослабление и полный крах советизма в современном мире, крах советской сверхдержавы, еще больше укрепляет анти-атлантическую тенденцию европейского Третьего Пути. Еще в начале 80-ых Ален де Бенуа заявил, что “он предпочитает американскому зеленому берету фуражку советского офицера”, что, в принципе, вполне соответствует духу европейского национал-большевизма. Любопытно, что вождь итальянских “новых правых”

Марко Тарки даже объявил о конце Третьей Позиции, так как противостояние коммунизму, по его мнению, больше не имеет смысла, и единственным общим врагом и для левых и для консервативных революционеров остается США, Запад, “атлантизм”. Тарки даже предлагает отказаться от названия “Третий Путь” и принять тезис о “Втором Пути”, едином отныне и для национал-большевиков, и для просто большевиков, и для радикальных консервативных революционеров. Подобные настроения весьма распространены сегодня в Европе, но надо отметить, что существует одно значительное противоречие между европейским национал-большевизмом и национал-большевизмом советским. Если в Европе такая позиция является выражением максимального нон-конформизма, решительного неприятия всех манипуляций современной Системы, то в СССР национал-большевизм в большинстве случаев означает либо инерциальную привязку к давно потерявшим свой смысл лозунгам, либо простой конформизм, либо страх перед дискредитируемыми в течении долгих лет ярлыками такими как “национализм”, “этатизм”, “империализм”, “расизм”, “шовинизм”, “фашизм”, “нацизм” и т.д. Однако в следствие последних событий в СССР возможно все вещи станут на свои места, и национал-большевизм Европы более или менее выравняется с национал-большевизмом Востока. Но во всем этом следует учитывать и то, что как бы ни поворачивались исторические события, коммунистическая левая идеология никогда не ожет до конца совпасть ни с правой позицией, ни с Третьей Позицией, хотя бы уже потому, что это не вариации одного и того же мировоззренческого комплекса, а коренным образом различные по своему происхождению, по своим ориентациям и конечным целям структуры. Сейчас возможен — и уже происходит — прилив левых к Третьей Позиции, как некогда, в эпоху гео-политического могущества советизма, некоторые консервативные революционеры (особенно в странах Третьего Мира) были вынуждены прибегать к помощи коммунистов ценой компромиссов и уступок. Но окончательного слияния наступить не может в принципе, несмотря на всю внешнюю сторону событий. Левый всегда останется левым, если он не станет, конечно, правым или не займет сознательно и добровольно Третью Позицию.

Заключение

Мы попытались в общих чертах обрисовать идеологическую позицию, которой столь часто пренебрегают политологи и социологи, но которая, тем не менее, представляет собой совершенно законченный и самостоятельный

мировоззренческий комплекс, неискоренимый даже самыми жесткими средствами и самой безжалостной цензурой. Если не учитывать именно такой трех-полюсной идеологической картины мы обречены на неоправданные натяжки, иллогизмы, противоречия в оценке разворачивающихся сегодня в мире событий, так как в период трансформаций идеологическая борьба становится чрезвычайно острой, и частично допустимый в иные периоды идеологический агностицизм или “лозунговое мышление” становится просто невозможны в критические моменты. Кроме того, наблюдая идеологические споры и политические дискуссии, разворачивающиеся сегодня в нашей стране, мы не можем отделаться от глубокого беспокойства за умственное состояние многих “идеологов”, потерявших в определениях и политических проектах, ни смысл которых, ни их значение, ни их конечная цель им совершенно не известны. В “фашизме” упрекают друг друга все кому ни лень, при том, что мало кто вообще знает об этой идеологии и об ее истории хоть что-то достоверное (Поразительно, что не только простой народ, но и некоторые видные политики черпают свои представления о фашизме из телесериала о Штирлице). Так же бессмысленно раздаются ярлыки “правые”, “левые” и т.д. На гео-политическом уровне мало кто отдает себе отчет в том, что в действительности представляет собой “атлантизм” или “евразийство”, а в вопросах государственного устройства такие выражения как “якобинская” модель, “автаркия больших пространств”, “федеральная Империя” и т.д. вообще ничего никому не говорят. Все это было бы не так уж и страшно, если бы наша страна была бы изолирована от остального мира и решала бы свои внутренние вопросы сама — в таком случае временная пост-коммунистическая неразбериха рано или поздно закончилась бы естественным и органичным образом. Но, увы, мы нераздельно связаны сегодня со всем остальным миром, и от нашей позиции зависит вся гео-политическая и идеологическая карта планеты. Кроме того, на нас действуют мощные внешние идеологические факторы, и в первую очередь правый комплекс “атлантизма”, безусловно старающийся использовать данную ситуацию, чтобы превратить двух-полюсную систему правые-левые, США-СССР, в гегемонию глобальной “американской модели”, the american way of life. Для всех этих внешних влияний в целом идеологические концепты — это не путые лозунги или ярлыки, а важнейшие оперативные реалии, которыми они руководствуются в своих конкретных стратегических и гео-политических действиях.

Независимо от личных или групповых предпочтений в настоящий момент только две идеологические позиции являются интеллектуально и гео-

политически активными — это “атлантистские” правые и “евразийские” консервативные революционеры. Левая идеология не имеет сейчас ни геополитической, ни интеллектуальной формы, (хотя это отнюдь не означает, что она не приобретет ее вообще никогда). Можно сказать, что собственно левыми являются сегодня анархические и нонконформно-либералистские тенденции, но все это пока остается совершенно неопределенным и несостоятельным. Как бы то ни было, Третья Позиция сегодня — это нечто весьма серьезное, фундаментальное, основательное и вышедшее из периферийного, маргинального состояния, в котором оно пребывало в после-Ялтинском мире. Сегодняшний мир уже не является послеЯлтинским, а в новой идеологической картине “криминальность” Консервативной Революции становится совсем не такой “очевидной” и “само собой разумеющейся”(уже хотя бы потому, что разоблачаемые сегодня преступления левых, коммунистов, далеко перекрывают по масштабам и дикости все инкриминируемое нацистам). И несмотря на то, что в настоящий момент “атлантизм” военной, стратегической и индустриальной альтернативы не имеет, она может появиться в любой момент, так как события сейчас разворачиваются с безумной скоростью. Нет никаких сомнений в том, что, если такая альтернатива возникнет, ей будет Третья Позиция.